

Г. Мухатаева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы
e-mail: gmukhataeva@inbox.ru

ТРАЕКТОРИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются этапы зарождения религиозного радикализма в Казахстане, указываются внутренние и внешние факторы, приведшие к террористическим действиям в стране, выезду казахстанцев целыми семьями в зоны вооруженных действий на Ближнем Востоке. Термины «детерриториализация», «декультурация», предложенные французским исследователем Оливье Руа, позволяют понять феномен универсальности современного неофундаментализма. В статье также уточняются ключевые вопросы, связанные с понятием радикализации. Этот термин широко используется в научной литературе, в данной работе он используется как сокращенное обозначение многогранных способов, с помощью которых мировоззрение отдельных людей и сообществ может стать экстремистским, воинствующим или насильственным. Во-вторых, нет ни общепринятого образа радикала, ни линейного пути к радикализации. Другими словами, траектория радикализации является одновременно эволюционирующей и изменчивой. Важным является наблюдение, что радикализация не является каким-то оторванным от мировоззрения индивида процессом. Напротив, радикализация имеет отношение к социализации личности, представляет собой активное вовлечение в новое мировоззрение. При этом, эмпирические исследования, приведенные автором, указывают, что индивидам не навязываются насильственные установки. Пропагандируемые идеологами радикальных организаций ценности имеют гуманное содержание: религиозное обучение, помощь единоверцам, укрепление братства, идеализация жизни в совершенном обществе.

Ключевые слова: радикализация, неофундаментализм, джихадизм, исламизация, радикализм.

G. Mukhatayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
e-mail: gmukhataeva@inbox.ru

Trajectory of religious radicalization

The article discusses the stages of radicalism in Kazakhstan, the external and internal factors that led to terroristic activities within the country's territory and to the departure of individuals – sometimes entire families – to the combat zones in the Middle East. The author suggests that the universality of contemporarily neo-fundamentalism may be successfully conceptualized in terms of «deterritorialisation» and «deculturation» coined by a French political scientist Olivier Roy. The article also attempts to precise the key problems related to the concept of «radicalization». Being widely used in scholarly literature, here it is an umbrella term to describe various means to turn the worldview of an individual or a community to make it extreme, militant and violent. The author argues that there cannot be a single depiction of a radical nor a universal path of radicalization. The trajectory of radicalization is constantly evolving. It is crucial to bear in mind that radicalization is not a process independent of person's worldview, on the contrary, it is all about socialization of an individual, his/her deliberate drawing into a new worldview. Moreover, the empirical data contained in the article show that the ideas of violence are not propagated. The ideologues of radical organizations preach the values of different nature such as religious education, aid to the coreligionists, building of the brotherhood, idealized life in an ideal society.

Key words: radicalization, neofundamentalism, jihadism, Islamicisation, radicalism.

Г. Мухатаева

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
e-mail: gmukhataeva@inbox.ru

Діни радикалдану траекториясы

Мақалада Қазақстанда діни радикализмнің пайда болу кезеңдері қарастырылады, сонымен қатар, елдегі террорлық әрекеттерге, қазақстандықтардың отбасыларымен Таяу Шығыстағы қарулы іс-қимыл аймақтарына кетуіне себеп болған ішкі және сыртқы факторлар

да көрсетіледі. Француз зерттеушісі Оливье Руа ұсынған «детерриторизация», «декультурация» терминдері қазіргі неофундаментализмнің әмбебаптылық феноменін түсінуге мүмкіндік береді. Сондай-ақ, мақалада радикалдану ұғымына қатысты негізгі мәселелер нақтыланады. Бұл термин ғылыми әдебиеттерде кеңінен қолданылады, бұл жұмыста жеке адамдар мен қауымдастықтардың дүниетанымы экстремистік, әскери немесе зорлық-зомбылыққа айналуы мүмкін көп қырлы тәсілдердің қысқартылған атауы ретінде қолданылады. Екіншіден, радикалдың жалпы қабылданған бейнесі де, радикалданудың түзу жолы да жоқ. Басқаша айтқанда, радикалдану траекториясы эволюциялық және өзгермелі болып табылады деген ойдамыз. Радикалдану адамның дүниетанымынан ажыратылған процесс емес екенін байқау маңызды болып табылады. Керісінше, радикалдану жеке тұлғаның әлеуметтенуімен байланысты, жаңа дүниетанымға белсенді қатысуды білдіреді. Сонымен қатар, автор келтірген эмпирикалық зерттеулер адамдарға зорлық-зомбылық жасамайтындығын көрсетеді. Радикалды ұйымдардың идеологтары насихаттайтын құндылықтардың ізгілікті мазмұны бар: діни оқыту, дінбасыларға көмектесу, бауырластықты нығайту, мінсіз қоғамдағы өмірді идеализациялау.

Түйін сөздер: радикалдану, неофундаментализм, жихадизм, радикализм, исламизация.

Введение

В течение последнего десятилетия «радикализация» стала преобладающей аналитической парадигмой для интерпретации и объяснения феномена политического насилия, особенно в исследованиях джихадистского терроризма и участия «иностранных боевиков» в вооруженных действиях в Сирии и Ираке. Таким образом, в какой-то мере открывая новые пути исследования, концепция существенно изменила способ анализа и объяснения феномена политического насилия, сосредоточив аналитическое внимание на радикализации как процессе.

Обоснование выбора темы, цели и задачи

Неофундаментализм, лежащий в основе современного религиозного радикализма, отрицает культурные, национальные границы, что способствует глобализации этого явления. Идея джихадизма стала универсальной для террористов всего мира, действующих под лозунгами исламистских учений. Феномен участия «иностранных боевиков» в ближневосточном конфликте на стороне террористических группировок вызвал интерес зарубежных и отечественных исследователей к проблеме религиозного радикализма. Автором делается попытка объяснить пути радикализации казахстанских верующих, принявших участие в терактах как на территории страны, так и за ее пределами. Цель данной статьи – установить траекторию религиозной радикализации. В связи с указанным сформулированы следующие задачи: 1. Изучить основные теоретические исследования радикализации. 2. Выявить общее в радикализации европейских и казахстанских

террористов. 3. Определить мотивацию последователей радикальных вероучений.

Научная методология исследований

Методологической основой статьи являются историко-политологический анализ, контент-анализ, дискурс-анализ.

Основная часть

Этапы формирования радикализма в Казахстане

Востоковед К.И. Поляков указывает на три этапа зарождения и формирования исламского радикализма в Казахстане. Первый этап, охватывающий 1991–1998 гг., условно обозначен как период латентного формирования инфраструктуры радикализма. Первая волна религиозного бума, или так называемой религиозной свободы, в начале независимости государства сопровождалась активной деятельностью зарубежных исламских миссионеров, часть из которых исповедовала и пропагандировала радикальный ислам, а также получением молодежью религиозного образования в зарубежных исламских учебных заведениях (Поляков, 2014: 13-16). О внешнем влиянии на религиозное возрождение в Казахстане, в том числе с внесением элементов радикального вероучения, также говорит исследователь Д. Вильковски (Вильковски, 2014).

Вместе с тем, возникновению исламского радикализма, по мнению К.И. Полякова, способствовал курс на исламизацию общества, который политическим истеблишментом Казахстана рассматривался в качестве одного из направлений идеологической консолидации. В указанный период наблюдалась внутренняя дифференциация

мусульманской общины. Появление значительно большего числа исламских групп, в том числе придерживающихся радикальной идеологии, неконтролируемый рост числа «частных» мечетей, медресе, исламских культурных и образовательных центров, многие из которых стали центрами по распространению деструктивной идеологии, стало следствием отсутствия нормативно-правовой базы, предусматривающей санкции в отношении субъектов экстремистской деятельности. Единственным законодательным документом, регулирующим религиозную жизнь страны, являлся Закон Республики Казахстан от 15 января 1992 г. «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях». Духовное Управление мусульман Казахстана (ДУМК), по мнению ученого, превратилось в бюрократический аппарат и не смогло стать авторитетной религиозной организацией, способной идеологически противостоять радикальным верованиям. Мало того, профессиональная некомпетентность некоторых имамов спровоцировала выбор в пользу салафитских проповедников, обладающих харизмой и зарубежным религиозным образованием. Практически беспрепятственному формированию радикальной инфраструктуры способствовала и позиция руководства страны, отрицающая появление социальной базы для исламского экстремизма в Казахстане и считающая религиозный экстремизм исключительно иностранным явлением.

1999 – 2010 гг. К.И. Поляков обозначает как второй этап развития религиозного экстремизма в Казахстане. В это время приняты законы о противодействии экстремизму и терроризму. Власти ужесточили контроль за религиозными объединениями и иностранными миссионерами, обучением казахстанцев в религиозных учреждениях за границей. Был опубликован перечень зарубежных террористических и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена судебными органами на территории Казахстана (Поляков, 2014: 17-22). В официальном дискурсе преобладает контент о необходимости усиления влияния государства в религиозной сфере. Поводом для этого послужило задержание на территории Казахстана организации «Джамаат моджахедов Центральной Азии», входившей в террористическую сеть «Аль-Каиды». 11 ноября 2004 года первый заместитель председателя Комитета национальной безопасности Казахстана Владимир Божко сделал публичное заявление о ликвидации данной террористической организации, действовавшей преимущественно против Узбекистана.

В итоге, ключевыми законами, регулирующими борьбу с терроризмом, стали:

1. Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан».

2. Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 года № 416 «О противодействии терроризму».

3. Закон Республики Казахстан от 28 августа 2009 года № 191-IV «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (Regnum.ru, 2017).

Необходимо отметить, что развертывание террористической сети в Казахстане началось в 2002 году, когда организация «Союз исламского джихада» (СИД), отколовшаяся от более крупного объединения «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) ввиду разногласий в стратегии продвижения террористической идеологии, направила в Казахстан двух своих членов – Жакшыбека Биймурзаева и Ахмада Бекмирзаева. Эмиссары создали на территории Казахстана глубоко законспирированную и разветвленную террористическую сеть «Джамаат моджахедов Центральной Азии», в которую входили граждане Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Вербовка у лидеров группировки занимала порядка 1,5-2 месяца. Результатом была подготовка смертников-шахидов, которых забрасывали в Пакистан и Узбекистан. Группировка также занималась разбойными нападениями и грабежами на территории Казахстана (Карин, 2014: 67-78).

Третий этап развития исламского экстремизма в Казахстане датируется 2011 г., и связан он с переходом экстремистов к насильственным методам борьбы. В этот период принят Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», в котором в отличие от предыдущего закона «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» расширены полномочия государства в сфере упорядочения деятельности религиозных объединений и ужесточены требования к деятельности миссионеров и религиозных организаций с целью недопущения религиозного экстремизма. Усиление законодательства в религиозной сфере стало поводом для видеообращения группировки «Джунд аль-Халифат», базирующейся в Афганистане, к правительству Казахстана с требованием отменить принятый закон о религии (Поляков, 2014: 23-25).

Между тем, в 2011-2012, 2016 г. на территории Казахстана реализован ряд громких терро-

ристических актов и операций по ликвидации религиозных экстремистов.

17 мая 2011 года 25-летний террорист-смертник Рахимжан Макатов взорвал себя в здании ДКНБ в городе Актобе.

31 октября 2011 года в Атырау во дворе жилого дома в мусорном баке сработало взрывное устройство, также в результате случайного самоподрыва погиб Султангалиев Б.К. Ранее по указанию лидеров международной группировки «Джунд аль-Халифат» («Солдаты халифата») Султангалиев Б.К., Сагенов А.Б. и Усабеков М.А. должны были разместить самодельные взрывные устройства в оживленных местах города, целью должны быть многочисленные жертвы среди населения. Однако, члены группы отказываются от данного плана и устанавливают взрывные устройства возле административного здания акимата Атырауской области и прокуратуры Атырауской области (Карин, 2014: 122-123).

12 ноября в Таразе 34-летний Максат Кариев убил двух сотрудников ДКНБ, осуществлявших за ним наружное наблюдение, а также двух сотрудников специализированного отдела охраны. В ходе нападения на оружейный магазин им убит охранник и смертельно ранен случайный посетитель. В этот же день Кариев из гранатомёта РПГ-26 произвел выстрел по зданию областного ДКНБ. При попытке задержания сотрудниками отдельного батальона дорожной полиции Максат Кариев подорвал себя, в результате чего погиб капитан полиции Газиз Байтасов.

3 декабря 2011 года в ходе спецоперации в посёлке Боралдай Илийского района Алматинской области погибли пять членов террористической группировки и два сотрудника правоохранительных органов. Ранее, 8 ноября 2011 года члены преступной группировки совершили убийство двух сотрудников полиции и планировали проведение новых насильственных акций в Алматы.

11 июля 2012 года в посёлке Таусамалы Карасайского района Алматинской области в результате неправильной сборки самодельного взрывного устройства произошел взрыв в частном доме, погибли девять человек – четыре женщины и пятеро детей.

30 июля 2012 года во время спецоперации были ликвидированы шесть террористов, находившихся на съёмной квартире в жилом комплексе «АкКент» в городе Алматы.

13 августа 2012 года в ущелье «Кордон – Аксай» в Иле-Алатауском национальном парке от рук религиозных экстремистов погибли двенадцать человек. По данным следствия, в Алматин-

ской области летом 2012 года сформировалась преступная группировка членов приверженцев религиозного экстремизма, которая скрывалась на территории парка.

5 июня 2016 года группа радикалов из 26 человек напала на два оружейных магазина в городе Актобе, в результате чего был убит один из владельцев магазина и похищено оружие. После этого экстремисты совершили вооруженное нападение на воинскую часть Национальной гвардии, убив 3 и ранив 6 военнослужащих. Экстремисты были задержаны, а лидер группировки убит. В результате погибли 8 человек, в том числе граждане и полицейские, около 40 получили ранения. Как выяснилось во время суда, участники теракта планировали выехать в Сирию и присоединиться к вооруженному джихаду, но у них не было денег и паспортов, чтобы осуществить свой план. Вместо поездки в Сирию эта группа решила совершить джихад во время месяца Рамадана внутри страны.

В Алматы 18 июля 2016 года 26-летний Руслан Кулекбаев напал на полицейский пост и филиал Комитета национальной безопасности. В результате погибли 10 человек, в том числе 8 полицейских и 2 мирных жителя. Руслан Кулекбаев был приговорен к смертной казни за терроризм (Informburo.kz, 2016).

Согласно данным из открытых источников, объектами террористических акций на территории Казахстана преимущественно являлись сотрудники правоохранительных органов, Комитета национальной безопасности, в отличие от иностранных боевиков, которые предпочитали теракты с большим числом жертв среди гражданского населения. Еще одна разница между терактами в западных странах и Казахстане заключается в том, что европейские джихадисты – мигранты второго и третьего поколений, казахстанские террористы являлись местными жителями. Вместе с тем, низкое институциональное доверие свойственно и для радикальных группировок, базирующихся в Европе.

Кроме того, 2013-2015 гг. ознаменовались выездом граждан Казахстана целыми семьями на территорию Ближнего Востока, в зону вооруженных действий. Отдельные эксперты успели охарактеризовать данный феномен «семейным джихадом».

Перемещению центральноазиатских боевиков в Сирию способствовали международные спонсоры. Престиж, а также историческое и религиозное значение боевых действий в Сирии сыграли большую роль в решении центральноа-

зиатских боевиков воевать на Ближнем Востоке (Карин, Зенн, 2017: 69).

В 2017 году выезд в Сирию прекратился, это было больше связано с вытеснением международных террористических организаций с территории Сирии и Ирака коалицией военных сил, нежели с превентивными действиями государственных и правоохранительных органов Республики Казахстан. Также, концепция поражения международной террористической организации «Исламское государство» ошибочна, поскольку организация трансформировалась в сеть географически рассредоточенных ячеек. Казахстанские граждане, пожелавшие остаться в рядах международной террористической организации «Исламское государство», могут представлять опасность в дальнейшем, ряд исследователей опасаются вторжения боевиков в Центральную Азию.

Теоретические подходы к понятию «радикализм»

В последнее время в зарубежных научных обсуждениях прослеживается концептуализация радикализации, основанная на подходах Оливье Руа и Жюлье Кепеля. Применяя историко-аналитический подход, Кепель прослеживает развитие салафитской мысли, которая стала определять себя как противоположность Западу. Для него пуристская салафитская доктрина особенно ярко проявилась в концепции «аль уаль уаль бара» (дружба и непричастность), исключая дружбу мусульман с немусульманами и, по существу, допускающая враждебность между ними, что неумолимо ведет к конфронтации между Исламом и Западом. Кепель видит, что мусульманская молодежь, помещенная в гетто в экономически бедных и маргинализованных регионах, не забывает историю угнетения и неспособна к инкультурации. Аргумент Кепеля состоит в том, что салафитская идеология, экономическое неравенство и социальные предрассудки являются коренными причинами сегодняшней ситуации «джихадистского» терроризма на Западе (Керел, 2017).

В противоположность этому, Оливье Руа под броской фразой «исламизация радикализма» предполагает, что специфическая салафитская мысль не привела к нынешней ситуации. Он утверждает, что многие современные «джихадистские» террористы не созвучны салафизму. Для ученого нынешняя траектория молодежного недовольства на Западе имеет корни анархистского террора в XIX веке, примером которого является молодежная культура нигилизма и агрессии.

Конечно, он не отрицает роль исламистского «джихадизма», которая лежит в основе культуры, поддерживающей это насилие и радикализацию. Однако он не видит связи между религией и радикализацией как таковой, и особенно между бедностью и лишениями, хотя они, наряду с предрассудками и нетерпимостью, играют определенную роль в поддержании восприятия, которое позволяет насильственному мировоззрению процветать (Роу, 2017).

Оливье Руа критикует культуралистский подход к столкновению исламской и западной цивилизаций. Исследователь вводит термины «детерриториализация», «декультурация» для объяснения феномена современного неофундаментализма. По его мнению, неофундаментализм обрел почву среди лишенной корней мусульманской молодежи, в частности, среди второго и третьего поколений мигрантов на Западе. Поиск аутентичности среди этой категории направлен и против родной, и против западной культуры. Конструирование «декультуризованного» ислама служит средством переживания религиозной идентичности, которая не привязана ни к какой конкретной культуре и потому способна вписаться в любую культуру или, точнее говоря, самоопределиться вне самого понятия культуры (Руа, 2017).

Казахстанский исследователь Серик Бейсембаев в качестве основных факторов, способствовавших насильственному экстремизму в Казахстане, указывает низкий социально-экономический статус, криминальную субкультуру, теневую экономику, а также радикальную салафитскую идеологию (Бейсембаев, 2015).

Согласно результатам исследовательской работы Дины Шариповой и Серика Бейсембаева, основанной на 20 интервью с заключенными, осужденными за экстремистскую и террористическую деятельность в 2011 году, а также с родственниками радикалов, убитых полицией во время рейдов в Казахстане, осужденные экстремисты – это молодые люди, испытавшие в своей жизни бедность и лишения. Они не смогли получить хорошее образование и оказались на рынке труда, что привело к их социальной и экономической маргинализации. Многие из них в конечном итоге работали в серых зонах, таких как рынки, где молодые люди подвергались воздействию сетей салафитов. Салафизм стал важной альтернативной идеологией, которая предлагала этим молодым людям новую идентичность, социальную справедливость, солидарность и поддержку. Также, по мнению исследователей, репрес-

сивная политика правоохранительных органов к верующим, придерживающимся салафитского вероучения, способствует насильственному экстремизму. Кроме того, благодатную почву для интернализации радикальных идей создала криминальная субкультура среди молодежи. Тот факт, что правоохранительные органы стали мишенью бывших преступников, свидетельствует о том, что «мы против них» установки, которые были выработаны молодыми людьми до того, как они приобрели салафитско-джихадистские идеи (Sharipova, Beissembayev, 2021: 8-12).

Итак, ученые не пришли к общему согласию относительно того, какие причинно-следственные механизмы приводят к радикализму. Но многие сходятся во мнении, что радикализм – это процесс, а трансформация радикала – глубоко индивидуальное и неповторимое явление.

Вместе с тем, в академической среде возникает понимание, что пути радикализации необходимо рассматривать на микро-, мезо- и макроуровнях.

Микроуровень – проблемы с идентичностью, стигматизацией и отторжением, маргинализацией, дискриминацией.

Мезоуровень – влияние радикальной среды.

Макроуровень – роль правительства и общества внутри страны и за рубежом, радикализация общественного мнения, напряженные отношения большинства и меньшинства, особенно когда речь идет о мигрантах, отсутствие социально-экономических возможностей для целых слоев общества, что приводит к мобилизации и радикализации недовольных (Schmid, 2013: 3-5).

Возможно, первым шагом к изучению радикализации является понимание того, что радикализация не является чем-то само по себе. Не существует особой практики и особой области мысли, которую можно было бы назвать радикализацией. В социологических терминах все дело в социализации. Индивиды существуют в мире посредством нормальной социализации, узнают от своих друзей, семьи, людей, чье мнение для них авторитетно, о том, что значит быть человеком. Другими словами, как жить, взаимодействовать с другими, какой кодекс жизни и формы практики они должны принять. Таким образом, мы видим не какой-то отдельный процесс, называемый «радикализацией», а социализацию в мировоззрении и поведении, которые мы называем «радикальными». Неверным является представление о том, что радикализация происходит в обход мировоззрению индивида, посредством идеологической обработки, т.н. «промывания

мозгов». Радикализация – это активное вовлечение в новое мировоззрение. Теперь некоторые люди, которых называют радикализированными, социализировались в мировоззрения или идеологии, которые считаются радикальными. Однако многие люди, которые не считаются радикализированными, могут придерживаться взглядов, которые считаются радикальными, и вполне могут рассматривать насилие как способ достижения своих целей. Преступные банды, например, прибегают к насилию. Однако, сегодня термин «радикализация» обычно относится к путям, ведущим к терроризму. Еще одна проблема с этим термином заключается в том, что он подразумевает: относится ли это исключительно к людям, которые прибегают к насилию или используют террористические акты, или к более широкой базе сочувствующих с идентичным мировоззрением, или к конкретным террористическим группам? Без более тщательного разграничения того, что означают эти термины и как их следует применять, их свободное употребление может привести к «охоте на ведьм» (Hedges, 2017).

Контент радикальных изданий и сообществ

Согласно контент-анализу содержания англоязычного журнала «Dabiq», проведенному профессором журналистики Аризонского университета Шахирой Фахми, значительная часть материалов была посвящена нарративу о религиозной/политической власти «Халифата» – 86%. Социальный нарратив, вопреки ожиданиям, включающий демонстрацию братства, идеальной жизни в Халифате, процветания, был представлен меньше всего – 14%. Вместе с тем, контент, демонстрирующий жестокость, составлял чуть более одной десятой изображенных образов (Fahmy, 2020: 281-284).

Автором статьи был проведен контент-анализ содержания переписки в мессенджере WhatsApp группы из 171 участника, находящихся в различных регионах Республики Казахстан, придерживающихся салафитской идеологии. Были проанализированы 3000 сообщений за три месяца (август, сентябрь, октябрь) 2018 г. Основная часть дискурса участников группы посвящена религиозным темам – 73% (2190 сообщений).

Социальный контент – 19% (570 сообщений) содержит сведения о необходимости оказания финансовой помощи мусульманам Казахстана, находящимся в сложной жизненной ситуации. В том числе, помощь должна оказываться семьям, члены которых находятся в тюремном заключении за экстремистские правонарушения. Последнее говорит о том, что отдельными верую-

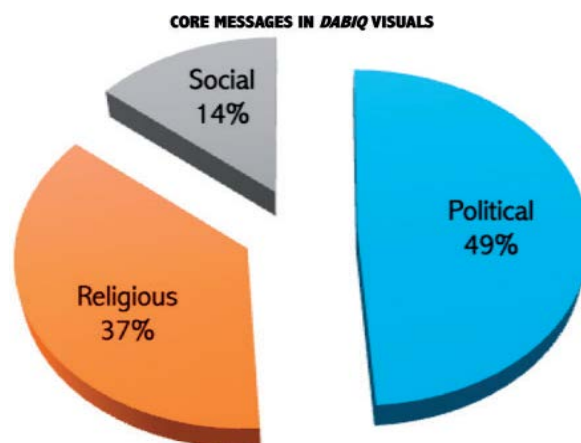

Рисунок 1 – Контент-анализ содержания англоязычного журнала «Dabiq», проведенному профессором журналистики Аризонского университета Шахирой Фахми (Fahmy, 2020: 281-284)

щими Казахстана уголовное преследование за религиозный экстремизм расценивается как несправедливость в отношении мусульман.

Радикальный нарратив составляет всего 2% (60 сообщений) и представляет собой негативные установки к представителям иных религиозных течений, светской власти, религиозному законодательству Казахстана, строго регулирующему жизнь верующих, а также направлен на дискриминационные оценки мусульман, чьи вероубеждения и действия, по субъективному мнению участников группы, не позволяют их отнести к истинным мусульманам. Участники группы разделяют мнение об отдалении современных ханафитов (религиозное течение в исламе, которого придерживаются большинство мусульман Казахстана) от вероучения (акыды) основателя этого мазхаба Абу Ханифы. Себя участники группы относят к «ахлю Сунна уаль-Джама'а», т.е. к тем, кто следует пути, на котором были Пророк Мухаммад и его сподвижники. В текстах переписок доминируют послы, направленные на формирование внутриконфессиональной нетерпимости. Так, верующих, чьи взгляды не совпадают с

убеждениями участников группы, причисляют к многобожникам, сектантам, лицемерам в религии (мунафики), неверующим (кафиры), могилотолкникам. Идеологи группы предостерегают от совершения нововведений, вероотступничества, к чему причисляются несоблюдение пяти столпов ислама, насмешки над религией и атрибутами религиозности (например, бородой). Наиболее активные коммуниканты пропагандируют идеологию такфира (обвинение в неверии). Вместе с тем, участники группы, осуждают крайние воззрения движений «ат-Такфир ва-ль-Хиджра», «Ихван аль-муслимин», террористических организаций «ИГИШ», «Аль Каида», называя их последователей хариджитами (носители радикальных политических настроений).

Между тем, отсутствие политических тем связано с правилами группы, что, вероятно, обусловлено опасениями контроля за чатом со стороны правоохранительных органов. Так, попытка одним из участников группы поднять вопрос о мусульманах, притесняемых властями в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, пресекается администратором группы.

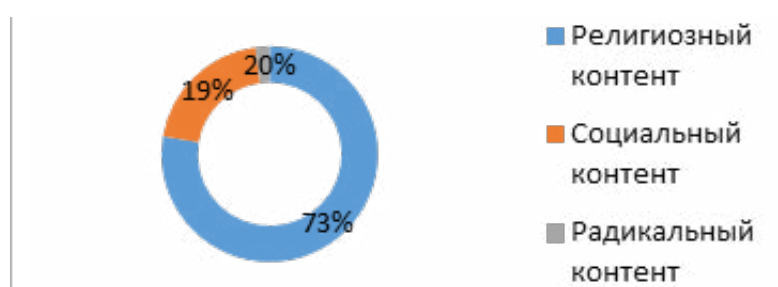

Рисунок 2 – Основные темы, обсуждаемые в чате

Приведенные эмпирические исследования свидетельствуют о том, что в описанных случаях радикальное мировоззрение обусловлено неприятием светского образа жизни, чувством ущемления религиозных прав и свобод, стремлением оказать помощь мусульманам и жить по канонам ислама в шариатском государстве.

Например, есть веские основания полагать, что значительное число мусульман, отправившихся в Сирию, первоначально не планировали участвовать в вооруженных действиях. Анализ публикаций в СМИ, содержащих интервью с женщинами, вернувшимися в рамках спецоперации «Жусан» из Сирии, показал, что большинство из них последовали за мужьями, которые убедили их в том, что должны помогать мусульманам. Однако, оказавшись в зоне военных действий, они в конечном итоге оказались втянутыми в деятельность террористических групп и таким образом вступили в боевые действия. Пропагандистские материалы международной террористической организации «Исламское государство» также содержали гуманные послы. Таким образом, скорее желание помочь своим собратьям-мусульманам, которые воспринимались как оккупированные неверным правительством, подвергающиеся насилию, было доминирующим мотивом для выезда граждан Казахстана на Ближний Восток. Данная точка зрения, возможно, сильно отличается от того, что мы обычно понимаем под термином «радикализация». Но это еще раз говорит о том, что пути к радикализму разнообразны и нелинейны.

Важно понимать, что радикальная среда, которая не приводит к насилию, остается, возможно, сложной и даже тревожной контркультурой, но не такой угрозой, как ее на самом деле принято воспринимать. Ясно, что хотя многие могут разделять «джихадистское» мировоззрение, однако только единицы на самом деле делают следующий шаг к насилию (Malthaner, 2017). Между тем, в научных обсуждениях преобладающим является убеждение о том, что излишний контроль и давление на религиозные меньшинства могут быть контрпродуктивными.

Результаты и обсуждение

Радикализация представляет собой процесс, причем глубоко индивидуальный процесс, связанный с социализацией личности. Принятие радикального мировоззрения, как показывают исследования, не имеет отношения к навязыванию чуждых для индивида идеологием, изменению его мышления. Напротив, мотивацией служат гуманные послы – помощь единоверцам, желание создать идеальное общество. Как правило, радикальное меньшинство испытывает на себе дискриминацию, непонимание и отторжение со стороны общества. И чем выше будет давление и контроль со стороны государства, тем вероятнее переход от пассивного поведения к активному. То есть, от изучения и проповедования учения радикалы могут перейти к насилию с целью защиты своей веры. Концепция оборонительного джихада, выступающая в качестве аргументации современного терроризма, логично встраивается в картину мира последователя радикального вероучения.

Заключение

В академической среде радикализм рассматривается через призму теории социальных движений и теорию идентичности. В работах социальных психологов присоединение индивидов к группам с радикальными и экстремистскими взглядами объясняется попыткой снижения неопределенности и поиском групповой идентичности. Идентификация может быть более сильной, если люди чувствуют себя очень неуверенными в себе, своем будущем, своем месте в мире и обстоятельствах, его окружающих. В этих условиях индивид может отождествлять себя с группами с высокой степенью энитативности и поведением. Исследования социальных движений интегрируют анализ индивидуальных путей и коллективных процессов эскалации насилия в контексте политического конфликта. Взгляд на более ранние исследования социальных движений и теории идентичности поучителен для лучшего понимания современного религиозного радикализма. Таким образом, два новых направления анализа представляются особенно важными для дальнейшего развития этой области исследования.

References

- Бейсембаев С. (2015) Религиозный экстремизм в Казахстане: между криминалом и джихадом. – ОФ «Стратегия». – 28. [электронный ресурс, дата обращения 11.03.2021 г.] https://www.ofstrategy.kz/images/Статья_радикализм_итог_Серик.pdf

- Вильковски Д. (2014) Арабо-исламские организации в современном Казахстане: внешнее влияние на исламское возрождение. – Астана-Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента. – С. 191.
- Hedges P. (2017) Radicalisation: Examining a Concept, its Use and Abuse. – Counter Terrorist Trends and Analyses Volume 9, Issue 10. – С. 12-18. [электронный ресурс, дата обращения 17.03.2021 г.] <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2014/07/CTTA-October-2017.pdf>
- Fahmy S. (2020) The age of terrorism media: The visual narratives of the Islamic State Group's Dabiq magazine. – The International Communication Gazette, Vol. 82(3). – 260-288. [электронный ресурс, дата обращения 05.04.2021 г.] DOI: 10.1177/1748048519843412 <https://www.researchgate.net/publication/340266937>.
- Informburo.kz. Интернет-издание, 6 июня (2016) 8 громких терактов и контртеррористических операций в Казахстане <https://informburo.kz/stati/8-gromkih-teraktov-i-kontrterroristicheskikh-akciy-v-kazahstane.html>.
- Карин Е. (2014) «Солдаты Халифата»: мифы и реальность. – Алматы: Издательский дом Власть. – С. 173.
- Карин Е. Зенн Д. (2017) Между ИГИЛ и Аль-Каидой: центральноазиатские боевики в Сирийской войне. – Алматы. – С. 312.
- Kepel G. (2017) Terror in France: The Rise of Jihad in the West. – Princeton, NJ and Oxford: Princeton University Press. – С. 240.
- Malthaner, S. (2017) Radicalization The Evolution of an Analytical Paradigm. – European Journal of Sociology Vol. 58 Issue 3. – 369-401. doi:10.1017/S0003975617000182 [электронный ресурс, дата обращения 05.04.2021 г.] <https://www.cambridge.org/core/journals/european-journal-of-sociology-archives-europeennes-de-sociologie/article/radicalization/A91A5B-84B27365A36ADF79D3DFFE6C0C>
- Поляков К.И. (2014) Исламский экстремизм в Центральной Азии. – Москва: Институт востоковедения РАН. – С. 136.
- Regnum.ru. Интернет-издание, 24 июля (2017) Проблема терроризма в Казахстане: источники, необходимые для понимания [электронный ресурс, дата обращения 05.04.2021 г.] <https://regnum.ru/news/polit/2304314.html>.
- Roy O. (2017) Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State, trans. by Cynthia Schoch, (London: Hurst and Company. – С. 138.
- Рух О. (2017). Глобализированный ислам: в поисках новой уммы. – Islamology т. 7, №1. [электронный ресурс, дата обращения 02.04.2021 г.] DOI:10.24848/ismlg.07.1.01 <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizirovannyi-islam-v-poiskah-noy-ummy/viewer>.
- Sharipova D. Beissembayev S. (2021) Causes of Violent Extremism in Central Asia: The Case of Kazakhstan. – Studies in Conflict & Terrorism. – Vol. 44 Issue 5 [электронный ресурс, дата обращения 08.04.2021 г.] DOI: 10.1080/1057610X.2021.1872163 <https://doi.org/10.1080/1057610X.2021.1872163>.
- Schmid A.P. (2013) Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: a Conceptual Discussion and Literature Review. – ICCT Research Paper. [электронный ресурс, дата обращения 02.04.2021 г.] DOI:10.19165/2013.1.02 <https://www.icct.nl/download/file/ICCT-Schmid-Radicalisation-De-Radicalisation-Counter-Radicalisation-March-2013.pdf>.

References

- Bejsembaev S. (2015) Religioznyj jekstremizm v Kazahstane: mezhdru kriminalom i dzhihadom [Religious Extremism in Kazakhstan: Between Crime and Jihad]. – OF «Strategija». – 28. [jelektronnyj resurs, data obrashhenija 11.03.2021 g.] https://www.ofstrategy.kz/images/Stat'ja_radikalizm_itog_Serik.pdf (InRussian).
- Vil'kovskij D. (2014) Arabo-islamskie organizacii v sovremennom Kazahstane: vneshnee vlijanie na islamskoe vozrozhdenie [Arab-Islamic Organizations in Contemporary Kazakhstan: External Influence on the Islamic Revival]. – Астана-Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента. – 191. (InRussian).
- Hedges P. (2017) Radicalisation: Examining a Concept, its Use and Abuse. – Counter Terrorist Trends and Analyses Vol. 9, Issue 10. – 12-18. [jelektronnyj resurs, data obrashhenija 17.03.2021 g.] <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2014/07/CTTA-October-2017.pdf>
- Fahmy S. (2020) The age of terrorism media: The visual narratives of the Islamic State Group's Dabiq magazine. – The International Communication Gazette, Vol. 82(3). – 260-288. [jelektronnyj resurs, data obrashhenija 05.04.2021 g.] DOI: 10.1177/1748048519843412 <https://www.researchgate.net/publication/340266937>.
- Informburo.kz. Internet newspaper, 6 June (2016) 8 high-profile terrorist attacks and counter-terrorism operations in Kazakhstan [8 громких терактов и контртеррористических операций в Казахстане] <https://informburo.kz/stati/8-gromkih-teraktov-i-kontrterroristicheskikh-akciy-v-kazahstane.html> (InRussian).
- Karin E. (2014) «Soldaty Halifata»: mify i real'nost' [«Soldiers of the Caliphate»: Myths and Reality] – Алматы: Izdatel'skij dom Vlast'. – 173. (InRussian).
- Karin E. Zenn D. (2017) Mezhdru IGIL i Al'-Kaidoj: central'noaziatskie boeviki v Sirijskoj vojne [Between ISIS and Al-Qaeda: Central Asian Militants in the Syrian War]. – Алматы. – 312. (InRussian).
- Kepel G. (2017) Terror in France: The Rise of Jihad in the West. – Princeton, NJ and Oxford: Princeton University Press. – 240.
- Kruglyj stol «Problemy profilaktiki osuzhdenykh za jekstremistskie i terroristicheskie prestuplenija» (2018) [Problems of prevention of convicts for extremist and terrorist crimes]. – Алматы: Akademija KNB RK, Centr antiterroristicheskoy podgotovki. (in Russian)
- Malthaner S. (2017) Radicalization The Evolution of an Analytical Paradigm. – European Journal of Sociology Vol. 58 Issue 3. doi:10.1017/S0003975617000182 <https://www.cambridge.org/core/journals/european-journal-of-sociology-archives-europeennes-de-sociologie/article/radicalization/A91A5B84B27365A36ADF79D3DFFE6C0C>
- Poljakov K.I. (2014) Islamskij jekstremizm v Central'noj Azii [Islamic extremism in Central Asia]. – Москва: Institut vostokovedenija RAN. – 136. (in Russian)
- Regnum.ru. Internet newspaper, 24 July (2017) Problema terrorizma v Kazahstane: istochniki, neobhodimye dlja ponimaniya [The Problem of Terrorism in Kazakhstan: Sources needed for understanding] <https://regnum.ru/news/polit/2304314.html> (InRussian).

Roy O. (2017) *Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State*. – Trans. by Cynthia Schoch, London: Hurst and Company. – 138.

Rua O. (2017). Globalizirovannyj islam: v poiskah novoj ummy [Globalized islam: the search for a new ummah] – *Islamology* t. 7, №1. [jelektronnyj resurs, data obrashhenija 02.04.2021 g.] DOI:10.24848/ismlg.07.1.01 <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizirovanny-islam-v-poiskah-novoy-ummy/viewer> (InRussian).

Sharipova D. Beissembayev S. (2021) Causes of Violent Extremism in Central Asia: The Case of Kazakhstan. – *Studies in Conflict & Terrorism*. – Vol. 44, Issue 5 [jelektronnyj resurs, data obrashhenija 08.04.2021 g.] <https://doi.org/10.1080/1057610X.2021.1872163> (in Russian)

Schmid A.P. (2013) Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review. – ICCT Research Paper. [jelektronnyj resurs, data obrashhenija 02.04.2021 g.] DOI:10.19165/2013.1.02 <https://www.icct.nl/download/file/ICCT-Schmid-Radicalisation-De-Radicalisation-Counter-Radicalisation-March-2013.pdf>